

Чи Нин писал взахлеб. Всю ночь он провел за столом, склонившись над докладом о выборе супруги. На бумаге все выглядело так, будто подыскивают партию для наследника князя Цзина, но на деле документ был составлен исключительно с прицелом на вкусы и слабости нового императора.

За те месяцы, что Чи Нин провел в изгнании в Цзянцзо, он не только вдоволь пожил на широкую ногу, теша себя властью мелкого царька, но и досконально изучил характер нового государя. Он проанализировал всю его жизнь: от обстановки, в которой тот рос ребенком, до событий в его уделе после получения титула. Чи Нин разложил по полочкам каждую мелочь, сформировавшую личность правителя, и в итоге просчитал сотню возможных сценариев, выработав под каждый идеальную тактику поведения.

И теперь эти былые труды, совершенные в тишине и безмолвии, наконец принесли свои плоды.

Чи Нин просто не верил, что новый император сумеет захлопнуть дверь перед носом красавиц, которые идеально отвечали всем его потаенным желаниям.

Что до настоящей невесты для наследника князя Цзина, то для нее Чи Нин подготовил отдельный список, который намеревался передать Вэнь Хуайгу с глазу на глаз — пусть выбирает сам. Конечно, если наследник не пожелает идти по стопам своего верного отца-однолюба и решит, что удел мальчишек — выбирать, а взрослые мужчины забирают все и сразу... то хлопот у Чи Нина станет только меньше.

Сколько бы претенденток ни приглянулось Вэнь Хуайгу, Чи Нин сумеет без лишнего шума вписать этих «темных лошадок» в общий список кандидаток, чтобы в итоге все разрешилось само собой, легко и естественно.

К тому моменту, когда Чи Нин переписал набело доклад для государя и разложил листы сушиться, на улице уже брезжил рассвет.

Проведя на ногах всю ночь, Чи Нин ни капли не утомился. Напротив, лицо его сияло, а в теле бурлила необычайная бодрость. Дело тут было не в железном здоровье, а исключительно в поддержке могущественного покровителя.

Сжав в ладони брусок черного дерева, он принялся осыпать своего благодетеля лавиной славословий. Льстивые речи лились из него бурным, безудержным потоком:

"Встреча с вами — величайшее благословение, которое я заслужил праведными деяниями в десятке прошлых жизней! Разве может существовать в этом мире божество столь же могущественное и милосердное? Ваше величие должно быть навеки высечено в памяти всей Великой Ци! Нет, всего поднебесного мира!"

Юань негромко рассмеялся, и в этом смехе сквозило чистое, ничем не прикрытое лукавство:

"Надеюсь, когда придет время платить по счетам, ты запоешь столь же сладко".

Тем временем Чжоу Хайва, директор с печатью Дирекции дворцового хозяйства, наконец-то дождался возможности и лично принес пишущему евнуху Дирекции церемониала Ма Гуану жалобу, которую усердно строчил на Чи Нина всю ночь.

По неписаным законам дворца евнух с печатью занимал более высокое положение, нежели другие слуги. Однако Дирекция церемониала была ведомством особым, и на нее привычные правила не распространялись. К тому же Чжоу Хайва отличался на редкость рабской, подобострастной натурой. Заискивать перед Ма Гуаном он умел мастерски, а падать ниц перед ним привык по всем правилам придворного этикета.

— Господин Ма, я всю ночь изучал записи у ворот, ближайших к дому семьи Цзян, — заговорил Чжоу Хайва. — В Книге городских врат до мельчайших подробностей зафиксирован каждый шаг Цзян Чжиуэя, когда он входил в город или покидал его.

Стоит пояснить: книга городских врат изначально служила лишь для того, чтобы отмечать перемещения дворцовых слуг. Но к эпохе Великой Ци эта мера предосторожности распространилась на все заставы столицы Юнцзи — теперь в нее вносили каждого, кто входил в город или покидал его пределы.

Для евнухов же и придворных дам, владевших дворцовыми пропусками-жетонами, существовал отдельный реестр — с его помощью проверяющие могли в любой момент отследить каждую их служебную поездку.

Поскольку Цзян Чжиуэй нес службу в загородном Южном дворце, а его дом находился в пределах городских стен, все его перемещения туда и обратно были задокументированы с предельной точностью.

Ма Гуан в это время как раз принимал заботу от своей названной супруги-наложницы. Выслушав доклад, он сделал глоток теплого женышеневого чая, но напиток не помог укротить кипевший внутри гнев. Напротив, евнух с досадой пнул расprostертого ниц Чжоу Хайву и сорвался на визг:

— Да эти записи лишь докажут, что Цзян Чжиуэй возвращался домой исключительно в дни отдыха! На кой черт ты вообще их притащил?! Чтобы собственноручно помочь врагу втереться в доверие к государю?!

К тому же для Чи Нина, который славился умением делать правым виноватого и выходить сухим из воды, это сомнительное дело станет отличным оружием. Он в два счета обернет все против Ма Гуана, обвинив того в придирках и самоуправстве. Если Чи Нин пожалуется императору, о должности директора Восточного притвора Ма Гуану придется забыть навсегда.

— Ты можешь хоть немного шевелить мозгами, прежде чем лезть строить козни? — прошипел

Ма Гуан.

Да, именно так — «строить козни» — Ма Гуан высказался без малейшего стеснения. Он трезво оценивал себя и свои методы: подставлять чужими руками, очернять и уничтожать соперников было единственным верным способом выжить в этом змеином логове.

Чжоу Хайва, получив удар, даже пикнуть не посмел. Он торопливо отполз в угол, сжался там в три погибели и испуганно забормотал:

— Но как же так... Мы ведь с таким трудом загнали Чи Нина в угол...

— Он пошел к наследнику князя Цзина обсуждать женитьбу, это его прямое поручение! Ты всерьез думаешь, будто дедушка лишился глаз и ума и ничего не видит?

Стоит отметить, что «дедушкой» евнухи за глаза почтительно величали самого государя.

— Никчемный болван, не способный сделать дело до конца! — от злости у Ма Гуана разболелась голова. Сперва он думал, что у этого дурака припасен скрытый козырь против уловок Чи Нина. А вышло так, что тот не только не нащупал слабое место врага, но еще и поднял переполох, лишившись всех преимуществ. Черт бы побрал его глупость!

— И что же... мы просто оставим его в покое? — в голосе Чжоу Хайвы сквозила люта́я обида, а в узких щелках глаз вспыхнул змеиный огонек.

— Просто оставим? — ядовито процедил евнух Ма. — Сейчас дело совсем в другом. Вопрос не в том, отступишься ли ты, а в том, захочет ли он сам пощадить твою шкуру.

Коль не удалось прикончить врага одним ударом, готовься принять его сокрушительный ответный удар. Чи Нин обрушит на них ярость, подобную горной буре.

Чжоу Хайва потрясенно вытаращил глаза. Только после предупреждения Ма Гуана до него дошло, что пропала личной печати — наверняка дело рук Чи Нина. В его хмельной от страха голове родилась безумная мысль:

— Но ведь у меня пропала печать! Именно поэтому я не смог вовремя оформить его бумаги. Ему не в чем меня обвинить!

Ма Гуан от такой глупости аж зашелся ядовитым смехом:

— Даже если забыть о том, какую кару обрушит на тебя государь за утерю важного знака власти... Неужели ты думаешь, что если твою печать украл Чи Нин, он оставил бы тебе хоть единую лазейку, чтобы вывернуться и обвинить его?

Окажись на месте Чи Нина сам Ма Гуан, он бы обязательно шлепнул эту печать на каком-нибудь документе, составленном много позже, чтобы наглядно доказать: печать была у хозяина и пропала лишь недавно.

Чжоу Хайва окончательно растерял остатки храбрости. Затрясшись всем телом, он пролепетал:

— Что же... что же нам теперь делать? Как быть?

— Каких еще «нам»? Тебе, любезный, тебе одному пора бежать в храм и молить Будду о пощаде, — Ма Гуан изобразил подобие улыбки, спеша умыть руки. — Проси, чтобы в следующей жизни тебе посчастливилось родиться нормальным мужем, а не безродным кастратом.

— Пощадите, господин! — Чжоу Хайва обезумел от ужаса. Он пополз обратно, цепляясь за полы халата евнуха Ма. — Господин Ма, не бросайте меня на растерзание! Я ведь все делал только ради вашего блага!

— Ради меня? — евнух Ма медленно процедил эти слова, словно пережевывая их. — Что-то мне подсказывает, любезный, что ты лишился своей печати задолго до этой заварухи, а теперь просто решил свалить грехи на Чи Нина. Да еще и выслужиться передо мной напоследок. Хитрый же у тебя расчет!

— Нет, нет, клянусь жизнью! — Чжоу Хайва неистово замотал головой, так что дряблые щеки затряслись от страха. — Верьте мне, господин! Это точно Чи Нин, больше никому...

Но Ма Гуан лишь презрительно фыркнул:

— И зачем, скажи на милость, Чи Нину твоя печать? Что ему с ней делать?

В самом деле, к чему Чи Нину печать простого начальника Дирекции дворцового хозяйства?

План Чи Нина состоял именно в том, чтобы посеять зерно сомнения в душе мнительного Ма Гуана и навсегда рассорить его с Чжоу Хайвой. Натуру дворцовых евнухов Чи Нин знал как свои пять пальцев — ведь он судил по себе. Этим созданиям неведомо чувство истинного доверия. Малейшее подозрение, крохотная трещина — и вся их общая лодка мгновенно пойдет ко дну.

Узнав от злого бога Юаня, что события развиваются в точности по его замыслу, Чи Нин пришел в превосходное расположение духа. Напевая под нос веселый мотивчик, он в сопровождении Куцая отправился по делам.

Проходя мимо ворот Дирекции дворцового хозяйства, Чи Нин вновь застал черного палача Синчжи за его привычным делом — тот висел в петле с усердием примерного слуги, невзирая

на погоду, и даже глазом не повел в сторону гостей.

Доклад для государя уже отправился во дворец. На сей раз Чи Нин не собирался позволить недоброжелателям замять его дело, а потому пустил в ход связи с дядей Шаном. Теперь ответные вести не заставят себя долго ждать.

Пользуясь передышкой, Чи Нин поспешил встретиться с Вэнь Хуайгу и передал ему в руки настоящий перечень потенциальных невест.

Вэнь Хуайгу растерянно воззрился на толстую стопку исписанной бумаги. Он даже не сразу понял, что Чи Нин принес ему готовые кандидатуры. В самом деле — разве возможно подобрать столько невест всего за одну ночь? Это казалось совершенно невыполнимым.

Он, как некогда и сам Чи Нин, был уверен, что задача эта невыполнима, и сокрушался, что загнал приятеля в тупик своими капризами. Весь прошлый вечер наследник терзался стыдом и не сомкнул глаз, проклиная собственное упрямство. Ему казалось, лучше уж набраться духу и открыться отцу. В конце концов, он единственный сын в семье. Что отец с ним сделает? Не убьет же?

Изводя себя этими мрачными мыслями, Вэнь Хуайгу наконец принялся читать то, что принес ему Чи Нин.

И тут...

Ему словно язык отняло.

Перед взором наследника распахнулись двери в совершенно неведомый ему мир. Пальцы, сжимавшие исписанные листы, мелко задрожали. Тысячи слов вертелись у него на языке, но Вэнь Хуайгу лишь потрясенно выдавил:

— Да уж... В твоём духе.

<http://bllate.org/book/20385/2132637>